

УДК 82–14

Сулемина О.В.

Воронежский государственный университет

**«СТРАШНОЕ» И СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКИ ПУШКИНА**

O. Sulemina

Voronezh State University

**«TERRIBLE» AND SUBJECTIVE ORGANIZATION OF PUSHKIN'S
LYCEUM LYRICS**

Аннотация. В статье предпринимается попытка проследить взаимосвязь категории «страшного» с субъективным строем пушкинской лирики лицейского периода. Задача работы состоит в рассмотрении субъектных ролей как выражения авторского поведения Пушкина и выявления функций «агентов» страшного при формировании лирического «Я». При этом выясняется, что «агенты» «страшного» значительно различаются для лирического «Я» и остальных персонажей, что указывает на особое место и статус лирического субъекта. «Страшное» из мира реального не беспокоит поэта, а если и беспокоит, то в литературном ракурсе (например, «война» как опасность для героев, «война» как предмет описания для поэта). Опасно для поэта то, что лишает его возможности творить и уравнивает с обычными людьми, отдаляя от «высшего» призвания.

Ключевые слова: лирика Пушкина; страшное; творчество; смерть; судьба; лирический субъект.

Abstract. This article attempts to trace the relationship between the category of «Terrible» with the subjective formation of Pushkin's lyceum lyrics. The aim of our research is to examine subjective roles as an expression of the author's behavior and to identify features of «agents of terrible» in the formation of lyrical character. It turns out that the «agents of terrible» are different for the lyrical character and the other characters, which indicates the special position and status of the poet. The «Terrible» from the real world does not disturb the poet, or concerns him only from the literary perspective (e.g. «war» as danger to characters and «war» as the object of poet's description). Dangerous for the poet is something that stops him from creating and makes him equal with ordinary people, distancing from the higher calling.

Key words: Pushkin's lyrics; «terrible»; creativity; death; destiny; lyrical character.

Лицейское творчество А.С. Пушкина традиционно считается ученическим (о чем говорили в своих трудах Ю.М. Лотман, Б.В. Томашевский, Д.Д. Благой и др.): это период становления его лирического «Я». Выделяя определенный набор мотивов и тем, интересующих поэта, можно проследить, как в них отражаются некоторые аспекты его авторского поведения [13, с. 4-8]. В данной работе мы попытаемся контурно прочертить особенности бытования «страшного» в лицейской лирике Пушкина.

Категория «страшного» избрана нами, поскольку она занимает важное место в пространстве пушкинской лирики исследуемого периода. Страх, несмотря на природу его возникновения, непременно изменяет состояние объекта своего воздействия, тем самым проявляя его сущностные черты. С нашей точки зрения, исследование «страшного» как категории, оказывающей влияние на самоопределение личности, позволяет выявить значимые для первого периода творчества особенности пушкинского лирического «Я».

Наиболее значимой характеристикой «страшного» в поэтической реальности Пушкина для нас стали его «агенты» (т. е. предметы, существа, явления, его вызывающие), поскольку они значительно различаются для лирического «Я» и остальных персонажей, что указывает

© Сулемина О.В., 2011.

Статья публикуется в рамках проекта 2.1.3/12071 «Универсалии русской литературы (XVIII - начала XX вв.)», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

на особое место и статус лирического субъекта. Сначала скажем об «агентах» страха, значимых для героев пушкинской лирики. Они довольно традиционны и их можно отнести к общелитературным [11, с. 223].

В лицейской лирике возможно выделение следующих групп «агентов» «страшного»:

1. Явления реального мира («гроза», война). «Гроза» чаще не характеризует явление природы, а используется как метафора всего, что относится к **грозящему/ грозному**. «Грозными» именуется явления, связанные с силой, властью, славой, могуществом, гневом (*грозного величия конец* [8, I, с. 86], *твой грозен вид* [8, I, с. 27], *грозой он в бранной мгле летел* [8, I, с. 142]), которые могут быть значимы для отдельных героев (например, в стихотворении «Эвлега») или для множества людей («Воспоминания в Царском Селе», «Принцу Оранскому»). Они сопологаются, поскольку угрожают человеческому существованию, различаясь лишь по масштабу.

Сопоставление грозы и войны относится к одической традиции (подобные сравнения есть, например, у М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина), и его присутствие в «Воспоминаниях в Царском Селе» [8, I, с. 60-63], стихотворении, созданном по случаю приезда Г.Р. Державина в Лицей, вполне объяснимо. Здесь возникают мотивы «героической анакреонтики» [4, с. 331] – воинственный восторг, *грозный пир сражения* [4, с. 329-330]. Заметим, что певцы, восхваляющие Героев, связанных со стихией грозной битвы, играют на струнах *громозвучных лир*, также принадлежащих к грозовой/ грозной стихии по звуковым характеристикам и силе воздействия. Собственную лиру Пушкин не характеризует как громкую, тем более подобную грому, о чем сожалеет:

*Почто небесных Аонид,
Как наших дней певец, славянской Бард
дружины,
Мой дух восторгом не горит?*

Поэт представляет для себя возможность стать *бран[ым] Певц[ом]*^{*}:

^{*} Здесь и далее квадратными скобками в цитатах отме-

*О, естли б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.*

Поскольку стихотворение играет роль своеобразного посвящения Державину, оно строится в соответствии с канонами, и этим объясняется этикетное «самоумаление» автора. Но, если учесть отсутствие стремления лирического субъекта обладать *громозвучн[ой] лир[ой]* в последующих стихотворениях и даже прямой отказ от нее [8, I, с. 39-40], невозможность быть одическим поэтом уже здесь может трактоваться как программная для юного Пушкина.

2. «Потусторонние» явления, имеющие власть над человеком (рок, смерть). Тема Судьбы очень значима для Пушкина; вопрос о ее благодати/ жестокости по отношению к человеку возникает уже в лицейской лирике. Для «смертного» взаимодействие с ней ограничивается восприятием и подчинением:

*И ты в строях ее [смерть. – О. С.] встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!* (К. Батюшкову) [8, I, с. 56].

Здесь смерть предстает как проявление судьбы воина. Отметим, что воин этот назван *питомцем славы*. Стремление некоторых героев к славе и намеренный отказ от нее пушкинского лирического субъекта становится общим местом целого ряда стихотворений (*Прелестна сердцу тишина; Нейду, нейду за Славой* [8, I, с. 94-95]). Этот отказ, помимо следования ритуалу «поэтического побега» [1, с. 111-114], выражает желание поэта избрать особый путь в творческом пространстве [12], не ведущий к смерти в ее традиционном понимании как предначертанного, хоть и пугающего, завершения жизненного пути любого человека:

*Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены
(«Безверие») [8, I, с. 188-189].*

чены изменения, внесенные автором статьи.

Вера встречает человека у двери гробовой, именно она, даруя Надежду, тем самым сглаживает воздействие страха и создает для души возможность дальнейшего пути (это касается как умершего, так и навсегда простившегося с близкими). В то же время Вера – это внутренняя наполненность души представлением о Высшем «Другом» [13, с. 11], необходимое условие для осознания себя. Проецируясь изнутри во внешний мир, Вера наполняет *ночь могильную* светом [3, с. 156] и смыслом. (Эти категории у Пушкина часто взаимосвязаны и взаимообусловлены, что проявляется при описании поэтических реалий – «бессмысленные», по мнению поэта, творения нарекаются мрачными, туманными).

Безверие характеризует неспособность видеть бога тайного в явном мире. Герой, страдая от невозможности обнаружить скрытое божество вовне, теряет самого себя. В пустыне гробовой его привлекает покой, с одной стороны, как успокоение ума, избавление от страданий, с другой – как возможное наполнение всеохватывающей пустоты посредством посмертного сохранения/ проявления духовной сути. Видимо, имплицитно здесь присутствует и вероятность встречи с божеством: пустыня у Пушкина часто предполагает контакт с высшими силами [1; 6].

Судьба занимает приоритетное положение в иерархии сил, способных повлиять на человека^{*}, и характеризуется своей непредсказуемостью, невозможностью предвидеть ее ход и как-то противостоять ему. При условии отрицательного влияния на человека она часто именуется Роком.

Интересно сопоставление бога и Рока в шуточном раннем стихотворении «Монах» [8, I, с. 9-17]^{**}. Об их неравнозначности говорит прежде всего именование, первого со

строчной буквы, второго с заглавной. Это находит подтверждение в развитии событий. Герой молится и получает защиту (*Услышал бог молитвы старика, И ум его в минуту просветился*). Но спасение не означает избавления от ответственности: бог лишь указывает направление, двигаться же должен сам человек. Наличие греха и праведности предполагает необходимость выбора, в котором герой оказывается предоставлен себе, это внутреннее устремление. (Подтверждением тому служит само имя «Панкратий»: «Пау» + «κράτος» (др.-греч.) можно перевести как «всевластный, всемогущий»).

За внешними событиями стоит иррациональная, враждебная сила – *Могущий Рок, вселенной Господин*, – для которого человек – игрушка. Именно эта сила в итоге уравнивает паломническое путешествие в Иерусалим и прямой путь в ад^{***}. Акцентируясь на форме, герой упускает суть вещей, что и приводит к печальным последствиям.

Однако возможность победы веры в бога над Роком не отрицается окончательно: герой сумел пленить беса. Но он не смог противостоять собственной слабости, что и отдало его во власть греха. Возвышение Рока над богом в этом случае может объясняться их сопоставлением по степени обусловленности воздействия на человека. Бог оказывается ниже, поскольку он помогает, когда его призывают молитвой; вера имеет силу при условии постоянного, неотступного следования ей. Рок действует совершенно самостоятельно и не считается с человеком, что, видимо, и позволяет ему занять приоритетную позицию в пространстве стихотворения.

3. «Персонифицированный страх» (тени, призраки, пугающие персонажи). Персонажи, вызывающие страх, служат связующим звеном между реальностью и потусторонним миром: «потусторонние тени, загробные выходцы появляются в момент катастрофы и, переходя «недоступную черту», оказываются в

* Вопрос взаимодействия поэта и судьбы не столь однозначен.

** Переосмысление легенды об Ианне Новгородском, победившем черта. Наряду с фривольными и явно антиклерикальными мыслями в духе «Орлеанской девственницы» Вольтера, на которую и ориентировано стихотворение, здесь выражено изначально значимое для Пушкина мнение о самоценности человека и его внутренней ответственности за собственную жизнь.

*** Заметим, что герой стихотворения готов смиренно ждать последний час со страхом и с верою. Монах боится попасть в ад, однако слабость на пути веры толкает его именно туда.

чуждом им пространстве» [5, с. 816-817]. Подобные характеристики можно отнести и к образу Наполеона [2, с. 110-112; 7], сделав акцент на его не- (или над-) человеческом положении. В лицейских стихотворениях фигура Наполеона несет с собой мистический ужас, становясь его персонифицированным выражением. Дерзостью и масштабом своих действий он соотносим с вселенским злом, это царь-мертвец, либо подобие Люцифера. При этом используются традиционные для «наполеоновской» тематики формулы (*восстал вселенной бич* [8, I, с. 61]; *ужас мира* [8, I, с. 142]); отсылка к образу Люцифера (*зарделась грозная заря* – не только предвестие битвы, но и явление «сына зари»; *лицо пылающей зари* [8, I, с. 89], *пламенный венец померкнул на челе* [8, I, с. 110]; подобная образность характерна и для южной лирики). Формула *бледнеющий мятеж* [8, I, с. 89] призвана придать образу Наполеона романтические черты, но также бледность приобщает его к многочисленным теням и призракам, возникающим в пушкинских стихотворениях. Хотя тени не всегда оказываются «агентами» страха, призраки традиционно «пугают». На призрак похожа персонификация страха, представляющая перед нами в стихотворении «Сон» [8, I, с. 143-147]:

*Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный Страх
Не хмурится угрюмо в головах* [8, I, с. 147].

Изображение страха в виде привидения обусловлено его адресованностью злодею: это тень одной из жертв.

Поэт, воздающий хвалу Сну, *не герой и не злодей*, поэтому страхи, связанные с войной или муками совести, посетить его не могут. Однако его пугает то, что может воспрепятствовать пребыванию в *объятиях игривого мечтанья* (сна – творчества): *мне страшен свет* («свет» в этом случае употребляется в

коннотативном значении: ‘отборное, высшее общество, **суетное** (выделение мое. – О. С.) в обычаях или условиях жизни; // суетность, мёрщина’) [3, с. 157]. «Агенты» «страшного» для лирического «Я» совершенно иного рода, чем для героев пушкинских произведений: они значимы лишь в сфере литературной деятельности. В этой связи следует обратить внимание на структуру лирического «Я» Пушкина в лицейский период, когда это «Я» формировалось. Представляется возможным наметить такие его компоненты как «артистическое Я» (которое базируется на **противопоставлении** лирического субъекта-поэта окружающим, утверждении его особого положения в мире) и «человеческое Я»** (которое предполагает **сопоставление** с **другими** людьми, пребывание на одном уровне с ними). Говоря о «страшном» и его «агентах», в качестве реципиента мы подразумеваем прежде всего «артистическую» сторону лирического «Я», поскольку именно она проявляет себя в стихотворениях, связанных с темой творчества.

Вернемся к упомянутому выше предмету поэтического страха. Боязнь света, стремление к безвестности, тишине, покою связаны с образом **поэта-ленивца-философа** [10], который утверждает, что *голос* его *тих* (общее место для ряда поэтов – Е.А. Баратынский, К.Н. Батюшков и др.) [9], и призывает в качестве своей музыки Лень. Поэт противопоставляет себя тем, кто *гоняется за счастьем и молвой*, подтверждая тем самым свою «философско-мечтательскую» сущность. «Молва» и «слава» могут использоваться как синонимы [3, с. 215], поэтому здесь подразумевается отрицание «славы» как широкой известности среди людей (слава подобного рода способна наделить поэта историей, к чему он пока не стремится). В стихотворении «Мечтатель» дана следующая формула блаженства:

*Блажен, кто в низкой свой шалаши
В мольбах не просит счастья! <...>
Он сладко засыпает,*

** Данные определения избраны нами в качестве рабочих, поскольку они отражают особенности выделенных компонентов лирического «Я».

* Обозначение Люцифера в книге пророка Исаии: Исаия 14:12.

*И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает* [8, I, с. 94-95].

Счастье оказывается связанным с войной, а размышления поэта о собственной будущности в качестве военного всегда оканчиваются отказом от подобной возможности. Слава *грозит* лирическому субъекту-мечтателю, *ударя в звучный щит*, в то время как он утверждает: *звучными струнами не оглашу безмолвия приют*. Возникает отрицание славы как почета вследствие *заслуг, качеств, талантов* [3, с. 215].

Воспринимая творчество как сон или мечту, в которую он желает погрузиться, поэт испытывает страх, сталкиваясь с проявлениями внешнего мира, препятствующими этому погружению.

В послании «К Жуковскому» [8, I, с. 151-153] лирический субъект заявляет о своем высшем предназначении, которому не в силах противостоять. Избранная стезя кажется ему опасной вследствие неопытности, но преодоление страха возможно при обращении к *питоми[ам] вдохновенья*, поэтам, чье творчество послужило основой для художественных экспериментов юного Пушкина. Помимо предметов, находящихся в *воле* [8, I, с. 56] поэта, для него опасны *Вражды и Зависти угрюмые сыны*, литературные противники. Лирический субъект восклицает:

*Летите на врагов: и Феб, и Музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами <...>*,

пытаясь таким образом проявить роль воина на поэтическом поприще. Парнас, мирный и **тихий** приют муз и вдохновения для поэта, становится *грозною Парнасскою скалою* для его врагов, тем самым поддерживая своего «служителя» в борьбе и преодолении страха.

Итак, сопоставив «агенты» «страшного» для пушкинского лирического «Я» и остальных персонажей, можно заметить, что поэт, пребывая в состоянии вдохновения, занимает особую позицию в творческом пространстве. «Страшное» из мира реального его не

беспокоит, а если и беспокоит, то в совершенно особом ракурсе (например, «война» как опасность для героев, «война» как предмет описания для поэта). Опасно же для поэта то, что лишает его возможности творить, актуализируя его «человеческое Я», и уравнивает с обычными людьми, отдаляя от «высшего» призвания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайворонская Л.В. Семантика пустынь в творчестве А.С. Пушкина/ Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Изд. дом Алейниковых, 2009. – С. 103–119.
2. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка / Б.М. Гаспаров. – СПб., 1999. – 400 с.
3. Даль В. Толковый словарь в четырех томах / В. Даль. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 4. – С. 157-158; 215-216.
4. Иваницкий А. И. Универсалии как жизненная программа (На материале пушкинской лирики 1813 – 1824 гг.) / Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Изд. дом Алейниковых, 2009. – С. 328–369.
5. Лотман Ю.М. Пушкин / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство СПб.», 1995. – 847 с.
6. Меднис Н.Е. Мотив пустыни в лирике Пушкина/ Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 163–171.
7. Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1991. – Т. 14. – С. 5–32.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994.
9. Савинков С.В., Фаустов А.А. Очерки по характеристике русской литературы: Середина XIX века / С.В. Савинков, А.А. Фаустов. – Воронеж, 1998. – 156 с.
10. Сулемина О.В. В поисках самого себя: поэт в лирике А.С. Пушкина 1814-1824 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки», 2011. – 2(94). – С. 175–179.
11. Сулемина О.В. Контуры «страшного» в русской литературе VIII – начала XX вв./ Универсалии русской литературы. 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 220–230.

12. Сулемина О.В. «Фальсификация» смерти в стихотворении А.С. Пушкина «Мое завещание друзьям» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия

Филологические науки, 2010. – №6 (50). – С. 125–127.

13. Фаустов А.А. Авторское поведение Пушкина. Очерки / А.А. Фаустов. – изд. ВГУ, 2000. – 322 с.

УДК 821.161.1

Эфендиева С.А.

Бакинский славянский университет

КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

S. Efendiyeva

Baku Slavic University

QURANIC MOTIFS IN I. BUNIN'S POETRY

Аннотация. Статья посвящена кораническим мотивам в поэзии И.А. Бунина. Анализируются стихи, непосредственно созвучные тематике различных коранических сур. Выявляется точное следование стихов кораническому смыслу и коннотации. Вместе с тем каждое стихотворение коранического цикла представляет собой оригинальное продолжение тематики источника. Бунинские стихи представляют собой одновременную попытку осмысления текста Священного Писания и пробы пера в сакральном дискурсе. Можно утверждать, что стихи И.А. Бунина на коранические мотивы представляют собой не просто прекрасные стихи, но и освоение русской ментальностью подлинного Востока.

Ключевые слова: Коран, русская поэзия, И.А. Бунин, сакральный смысл, традиция, А.С. Пушкин, исторический оптимизм.

Abstract. The article deals with the Quranic motifs of I. Bunin's poetry. Various verses directly connected with the themes of different Quran surahs are analyzed, and the exact adherence to Quranic verse meaning and connotations is revealed. However, each poem of Quranic cycle represents an original continuation of source's theme. Bunin's verses represent a simultaneous attempt to comprehend the meaning of the Scripture and attempt to write in the sacred discourse. It can be argued that poetry of I. Bunin on Quranic motifs is not simply a beautiful poetry, but also the development of Russian mentality of a true East.

Key words: Quran, Russian poetry, I. Bunin, sacred meaning, tradition, A. Pushkin, historical optimism.

Известный исследователь восточной поэзии П.И. Тартаковский справедливо отметил, что Восток подарил человечеству два великих произведения, оказавших огромное влияние на формирование «духовно-эстетического сознания мира: Библию и Коран» [6, с. 7]. При этом он подчеркнул, что если в библейских текстах на протяжении истории напластовывались различные национально-стилистические слои, то коранический текст сохранил свою специфику «национального арабского *мыслевыражения*» [6, с. 8]. Так, поэтическая форма Корана, не говоря уже о мире его идей, вызвала к жизни столько поэтических подражаний, что они могут быть предметом анализа отдельной работы.

В литературе Серебряного века на волне возрастающего интереса к Востоку, к его искусству, поэзии, философии появляются многочисленные «восточные» подражания и мистификации. Этот процесс имел определенные традиции. Сначала это было модой, проникшей из западной литературы (П. Верлен, А. Рембо, Р. Киплинг и др.), затем заимствование форм и мотивов восточной лирики диктовалось эстетикой позднего романтизма. Литературе Сереб-